

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.3

EDN: HEVHTJ

Р.С. МУХАМЕТОВ¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620062, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, д. 191.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВЕРЫ В КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ О ПАНДЕМИИ COVID-19: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА, РЕЛИГИОЗНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. Почему одни граждане верят в теории заговора, а другие нет? Целью данного исследования было изучить ряд индивидуальных предикторов убеждений в теории заговора. В статье представлены оценки влияния доверия к социальным сетям, религиозности и институционального доверия на веру в конспирологические теории о пандемии COVID-19. В качестве эмпирической базы использовались данные второй волны (апрель – май 2021 г.) онлайн-опроса ($N = 1199$) международного лонгитюдного проекта «Ценности в кризисе» (“*Values in crisis*”). Результаты регрессионного анализа показали положительную взаимосвязь относительного доверия к социальным сетям и веры в теории заговора о распространении COVID-19. Показано, что важность религии в жизни человека оказывает положительное воздействие на его веру в теории заговора. В статье демонстрируется, что влияние частоты посещения религиозных служб является статистически незначимым детерминантом. Отмечается отрицательное воздействие институционального доверия на уровень конспирологического мышления. Значимость результатов заключается в том, что они могут помочь в разработке образовательных программ, направленных на развитие критического мышления и навыков анализа источников информации среди населения. Понимание механизмов, которые способствуют распространению конспирологических теорий, помогает разработать стратегии для противодействия дезинформации и манипуляциям.

Ключевые слова: конспирология; теории заговора; COVID-19; социальные сети; религиозность; институциональное доверие.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Детерминанты веры в конспирологические теории о пандемии COVID-19: роль социальных медиа, религиозности и институционального доверия // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 43–65. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.3 EDN: HEVHTJ

Введение

В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку вируса SARS-CoV-2 пандемией COVID-19. По состоянию на апрель 2024 г. пандемия унесла жизни более 7 млн человек, став одной из самых смертоносных в исто-

рии человечества [14]. Она также спровоцировала появление множества теорий заговора, связанных с происхождением и распространением вируса, некоторые из них получили широкое распространение [72]. В России 38% граждан считают пандемию обманом [3]. Людей, отрицающих существование вируса или преуменьшающих его опасность, принято называть ковид-скептиками [11, р. 487]. Важно отметить, что теории заговора, связанные со здоровьем (*Health-related conspiracy theories*), подрывают доверие к системе здравоохранения, способствуют вредным для здоровья привычкам (например, отказ от вакцинации и использование непроверенных методов лечения) [51].

Теории заговора активно циркулируют в массовой культуре и СМИ. Исследователи объясняют их популярность тем, что такие нарративы выступают когнитивными инструментами: они помогают трактовать необычные и тревожные события (например, вспышки болезней, скандалы, технологические прорывы, внезапные смерти знаменитостей), снижают неопределенность и переводят абстрактную тревогу в конкретные страхи [42]. Согласно популярному мнению, интерес к теориям заговора обусловлен тремя основными мотивами: эпистемологическим (желание получить определенную и стабильную картину мира), экзистенциальным (потребность в ощущении безопасности и контроля) и социальным (стремление утвердить положительный образ себя и принадлежность к группе) [38].

Одним из устойчивых выводов академической литературы является связь конспирологического мышления с авторитаризмом и антидемократическими убеждениями [66]. Вера в заговоры сопряжена с неприятием представительной демократии и предпочтением прямых форм народовластия [60], а также с поддержкой популистских установок [65]. Кроме того, такие убеждения снижают уровень политического участия, доверие к науке, ухудшают отношение к государству и препятствуют формированию безопасного и рационального поведения в сфере здравоохранения [9]. Конспирологические взгляды также связаны с участием в ненормативной политической активности [68], с дискриминацией этнических меньшинств [48] и политическим насилием [44].

Исходя из актуальности темы возникает логичный исследовательский вопрос: почему одни граждане России в большей степени склонны верить в теории заговора, а другие — в меньшей? По данным опросов, 17,6% респондентов полностью не согласны с утверждением, что распространение вируса было целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие, частично не согласны — 12,6%, частично согласны — 15,4%, полностью согласны — 20,2%, а 34,2% затруднились с ответом¹.

Данная работа — не первая попытка ответить на поставленный выше вопрос. Ранее внимание отечественных исследователей было сосредоточено на изучении индивидуальных характеристик, связанных с верой в существование заговоров [15]. Так, ковид-скептиками чаще оказываются мужчины, люди среднего и старшего возрастов, а также респонденты без высшего образования [19]. Им свойственны ксенофобия, низкий уровень тревожности, низкая самооценка и недоверие к государственным институтам [1; 3]. Вера в теории заговора чаще

¹ Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. База данных «Ценности в кризисе» (Values in Crisis-International). Свидетельство о регистрации базы данных 2021622861 от 09.12.2021.

встречается у людей с низким уровнем образования и неудовлетворенностью деятельностью власти [9]. Исследования также выявили связь между конспирологическими убеждениями и верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности, уважением к авторитетам и социальным цинизмом [16]. В предшествующих работах утверждается, что недоверие к вакцинации чаще проявляли женщины и лица более молодого возраста [6]. Отдельные исследования показывают, что восприятие коммуникативной среды в социальных сетях влияет на готовность пользователей выразить мнение [26]. Зарубежные данные подтверждают, что неопределенность и дефицит достоверной информации повышают склонность интерпретировать пандемию как заговор [57]. Доверие к науке, в свою очередь, снижает вероятность веры в ложные представления о пандемии [71]. Несмотря на значительный прогресс в изучении когнитивных, индивидуальных факторов, связанных с верой в конспирологические нарративы, ряд аспектов остаются недостаточно исследованными. Хотя отдельные элементы (влияние социальных сетей, религиозности или институционального доверия) уже затрагивались в исследованиях, посвященных ковид- и вакцинному скептицизму, их роль в формировании именно конспирологических интерпретаций пандемии в российском контексте изучена в меньшей степени. В существующей литературе эти факторы, как правило, рассматриваются разрозненно, без комплексного анализа. Настоящее исследование стремится восполнить этот пробел, в нем предложена систематизированная оценка взаимосвязи социальных медиа, религиозных характеристик и институционального доверия и склонности к конспирологическому мышлению. Это позволяет уточнить структуру факторов, лежащих в основе восприятия пандемии, и тем самым обосновывает актуальность исследования. Несмотря на то что все эти показатели фиксируются на уровне индивидуальных ответов, они позволяют глубже понять механизмы распространения конспирологических идей, а также выявить новые детерминанты, способные объяснить различия в восприятии COVID-19 среди граждан России.

Чтобы глубже проанализировать эти факторы и их роль в формировании конспирологических убеждений, необходимо сначала определить ключевые концепции и рамки исследования, включая само понятие «теории заговора» и их типологии.

Концептуальные рамки исследования

Теории заговора являются предметом интенсивных научных исследований, породивших множество определений. Как указывает Д. Робертсон, эти определения можно сгруппировать по историко-политологическому, социокультурному, философскому, психологическому и религиоведческому подходам [64]. Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на это разнообразие, сущность теорий заговора чаще всего раскрывается через две основные трактовки. Первая традиционно рассматривает их как иррациональные убеждения, искажающие реальность, связанные с дезинформацией и маргинальными группами. Более современная трактовка, напротив, видит в них рациональные попытки людей осмыслить сложные события путем поиска альтернативных объяснений [61]. В связи

с этим в данной работе под теорией заговора понимается объяснение определенного события, исходящее из предположения, что его инициировала небольшая группа лиц (заговорщиков), действующих тайно ради собственной выгоды и в ущерб общественному благу. Основная цель таких действий — подрыв базовых общественных норм, правил или законов [39, р. 4; 50, р. 116]. Иными словами, теории заговора трактуют важные события как результат скрытых соглашений некоей группы, направленных на достижение тайных, зачастую незаконных или злонамеренных целей, которые воспринимаются обществом как угроза. Такие объяснения упрощают понимание сложных социальных и политических явлений, предлагая монистические и внутренне детерминированные причины. Сторонники подобных взглядов утверждают, что могущественные элиты тайно координируют свои действия, чтобы манипулировать остальной частью населения для своих целей. При этом в большинстве случаев конспирологические нарративы повествуют о тайных злодеяниях политических внешних групп [55].

В академической среде разработано несколько типологий теорий заговора, каждая из которых отражает разнообразие этих явлений. Например, Р. Бразертон выделяет виды теорий, связанные с такими факторами, как преступления правительств против собственных граждан, сокрытие контактов с инопланетянами, глобальные злонамеренные заговоры могущественных элит, распространение болезней и тестирование технологий контроля сознания на населении, а также сокрытие лекарств от широкой общественности [31]. Альтернативный подход предлагает М. Баркун, который делит теории на три категории: 1) событийные заговоры касаются ограниченных, конкретных происшествий (например, убийство Джона Кеннеди или теракты 11 сентября 2001 г.); 2) системные заговоры имеют более масштабные цели, направленные на контроль над целыми странами или регионами; 3) наивысший уровень представляют суперконспирации — сложные, иерархически организованные конструкции, объединяющие множество заговоров [27, р. 6]. По мнению А. Казун, теории заговора могут возникать вокруг разнообразных событий (убийства национальных лидеров, возникновение различных заболеваний и т. д.) [8].

В современной научной литературе отмечается рост популярности медицинских теорий заговора (*medical conspiracy theories*), которые выделяются на фоне многообразия конспирологических нарративов, охватывающих различные сферы общественной жизни.

Медицинская конспирология — это совокупность мифологических нарративов, объясняющих развитие медицины как результат тайного заговора. Ее ключевые концепты включают создание выдуманных болезней, сокрытие эффективных лекарств, утаивание вреда медицинских технологий, врачей-убийц, тайное «чипирование» пациентов [17]. Медицинские теории заговора часто сводятся к отрицанию существования вирусов, преуменьшению их опасности или к утверждениям об их искусственном происхождении, например, о том, что они были созданы правительством в качестве биологического оружия [25; 36].

Таким образом, несмотря на различия в классификациях, теории заговора обладают рядом общих характеристик. Во-первых, они являются оппозиционными, то есть противоречат общепринятому пониманию событий. Во-вторых, описывают действия, которые считаются злонамеренными или запрещенными.

В-третьих, они приписывают свободу действий конкретным лицам и группам, а не безличным или системным силам. Кроме того, такие теории эпистемологически рискованны — они чаще оказываются ложными по сравнению с другими типами убеждений. Важно также отметить их социальный характер: теории заговора не только принимаются отдельными людьми, но и распространяются обществом, формируя новые социальные реалии и влияя на восприятие мира [37]. Р. Бразертон добавляет, что из-за природы теорий заговора их сложно проверить эмпирически, они часто отвергаются экспертами, при этом заговорщики представлены в них как сверхъестественно могущественные и злонамеренные персонажи [31]. Кроме того, М. Баркун рассматривает теории заговора как форму «стигматизированного знания» — утверждений, которые ставят под сомнение признанные эпистемологические авторитеты и базируются на отвергнутых формах знания [27, р. 26–29]. Однако это вовсе не означает, что все теории заговора обязательно ложны или порождены иррациональностью. Склонность верить в такие объяснения и воспринимать важные события как результат тайных соглашений называют конспирологическим мышлением [41].

Таким образом, при рассмотрении природы теорий заговора и их основных черт акцентируется необходимость анализа социальных и психологических элементов, определяющих их популярность и принятие. Особый фокус направлен на отношение к СМИ, мировоззренческие ориентации и степень поддержки официальных структур. Исходя из этого в настоящей работе объединяются три исследовательских подхода (медиа-скептицизм, религиозные взгляды и институциональное доверие), что способствует разработке концептуальных основ и постановке эмпирических предположений о причинах склонности к конспирологическим идеям.

Теоретические рамки и рабочие гипотезы

Данное исследование опирается на три теоретические концепции: влияние социальных медиа, религиозность и институциональное доверие. Эти факторы связаны с различными механизмами формирования конспирологических убеждений: использование социальных сетей определяет характер восприятия информации, религиозность — предрасположенность к квазирелигиозным объяснительным моделям, а институциональное доверие — отношение к официальным интерпретациям событий. Совместное рассмотрение этих факторов позволяет охватить ключевые когнитивные, социальные и культурные условия, в которых формируются конспирологические интерпретации. Кроме того, выбор именно этих детерминант обусловлен и российским контекстом интерпретации пандемии. В отличие от демографических, профессиональных и личностных характеристик, широко описанных в литературе как универсальные предикторы конспирологического мышления, доверие к медиа, формы религиозности и структура институционального доверия в России высоко вариативны. Эти параметры отражают особенности медийной среды, культурных ресурсов и отношения граждан к государственным институтам, что делает их ключевыми для понимания того, какие интерпретации пандемии становятся социально значимыми.

Медийные детерминанты

Использование социальных сетей часто связано с распространением конспирологических и дезинформирующих убеждений [30]. Социальные платформы играют ключевую роль в популяризации теорий заговора и фейковых новостей, становясь доминирующим каналом для их распространения [24]. Х. Олкотт и М. Генцков объясняют это несколькими причинами. Во-первых, производство контента в социальных сетях обходится дешевле, чем в традиционных СМИ (ТВ, радио и газеты), что снижает стимул поддерживать долгосрочную репутацию качественного источника информации и позволяет быстро генерировать большие объемы этой информации, в том числе заведомо ложной. Во-вторых, формат потребления новостей через мобильные устройства затрудняет критическую оценку достоверности информации из-за поверхностного ознакомления, нехватки времени и привычки быстро потреблять контент. В-третьих, алгоритмы социальных сетей создают так называемые «эхо-камеры», или «пузыри фильтров» (термин Эли Паризер), в которых пользователи видят контент, отражающий их политические и идеологические предпочтения. Эти алгоритмы, оптимизированные для вовлечения пользователей, зачастую отдают предпочтение шокирующему, эмоциональному и поляризующему контенту, который вызывает больше реакций, что усиливает поляризацию и ограничивает доступ к альтернативным мнениям [23]. Такая информационная среда социальных сетей эффективно использует особенности человеческого мышления. По мнению Д. Канемана, существуют два способа мышления, с помощью которых мозг формирует мысли: система 1 — быстрая, автоматическая, эмоциональная, стереотипная и бессознательная; система 2 — медленная, требующая усилий, логичная, расчетливая, осознанная [10]. В условиях постоянного потока информации и стимуляции системы 1 критическое задействование системы 2 затрудняется, что делает людей более восприимчивыми к быстрым, эмоциональным и зачастую непроверенным сообщениям, которые преобладают в онлайн-среде. Данный процесс можно дополнительно объяснить через положения теории когнитивной нагрузки (*cognitive load theory*), согласно которой рабочая память человека имеет ограниченные ресурсы, и в условиях информационной перегрузки способность к критическому осмыслению снижается. Чтобы уменьшить когнитивное напряжение, люди прибегают к простым когнитивным стратегиям и легче воспринимают упрощенные, эмоционально окрашенные нарративы. Теории заговора, обладающие этими свойствами, становятся удобным инструментом интерпретации сложных событий, особенно в кризисные периоды [70]. Таким образом, сочетание особенностей алгоритмов социальных сетей и когнитивных механизмов восприятия информации объясняет повышенную восприимчивость пользователей к конспирологическим убеждениям.

Религиозный фактор

Религиозность также влияет на склонность верить в теории заговора. Исследования показывают, что вера в «невидимые сущности» (Бог, ад, дьявол или ангелы) повышает вероятность увлечения конспирологическими теориями [32]. Конспирологическое мышление часто основано на склонности приписывать необъяснимые события влиянию невидимых сил, тайно управляющих судьба-

ми людей [59]. Некоторые ученые отмечают сходство между теориями заговора и институционализированными религиями, считая, что вера в заговоры имеет квазирелигиозный характер из-за схожести содержания, форм и функций [42]. Вера в Бога и внешние источники порядка может рассматриваться как психологический механизм, позволяющий справляться с дискомфортом, вызванным ощущением потери личного контроля, что сходно с природой конспирологического мышления [53]. Теории заговора нередко служат способом справиться с тревогой, связанной со смертью и угрозой смыслу жизни, предоставляя простые объяснения сложных или пугающих явлений [58]. Научные исследования показывают, что конспирологические теории и религия выполняют схожие психологические, социальные и эпистемологические функции: обе они помогают справиться с неопределенностью, удовлетворяют потребность в контроле и смысле, укрепляют групповую идентичность через общие убеждения и объясняют мир с помощью нарративов о причинно-следственных связях [43]. Важно отметить, что религия и теории заговора, несмотря на общие корни в стремлении объяснить мир и справиться с неопределенностью, имеют ключевые различия: в то время как первая часто постулирует существование единого благого Бога и стремится к добру, вторые предполагают наличие множества вредоносных субъектов [49].

Фактор институционального доверия

Конспирологическое мышление часто сопровождается недоверием к официальным научным данным и государственным институтам. Сторонники теорий заговора сомневаются в официальных версиях событий, считая, что власти скрывают, фальсифицируют факты или манипулируют ими [20]. В большинстве исследований доверие и недоверие воспринимаются как противоположные концы одного континуума: низкое доверие приравнивается к высокому недоверию, и наоборот [29; 33]. Однако часть ученых считают, что доверие и недоверие — это отдельные, независимые конструкции [54]. Согласно Э. Берцу, недоверие — это не просто отсутствие доверия, а уверенность в том, что политические деятели могут навредить человеку намеренно или случайно. Институциональное недоверие отражает восприятие ненадежности политической системы в целом или ее компонентов [28]. Под доверием понимается готовность одной стороны быть уязвимой перед действиями другой, основанная на ожидании, что другая сторона выполнит важное для первой действие, несмотря на невозможность полного контроля [56]. Институциональное доверие относится к уровню доверия граждан к основным институтам государства безотносительно к конкретным политикам или должностным лицам [58, р. 29].

Необходимо отметить, что в литературе существует точка зрения, согласно которой вера в конспирологию является одной из форм институционального недоверия [47]. Однако в данном исследовании эти явления рассматриваются отдельно: институциональное доверие относится к оценке конкретных институтов, тогда как конспирологические убеждения представляют собой отдельный тип интерпретации событий, который формируется под влиянием более широких когнитивных и культурных факторов. Поэтому институциональное недоверие выступает здесь как самостоятельный предиктор, а не тождественный элемент конспирологического мышления.

На основе теоретических предпосылок сформулированы рабочие гипотезы.

Гипотеза 1. Более высокое доверие к социальным сетям в качестве источника информации положительно коррелирует с конспирологическими утверждениями о COVID-19.

Гипотеза 2. Религиозность связана с повышенной склонностью к вере в конспирологические теории.

Гипотеза 3. Люди с более низким уровнем институционального доверия склонны сильнее верить в теории заговора о пандемии COVID-19.

С учетом обозначенных теоретических подходов и сформулированных гипотез дальнейшее исследование направлено на эмпирическую проверку взаимосвязей между социальными сетями, религиозностью граждан, институциональным доверием и склонностью к вере в конспирологические теории, связанные с пандемией COVID-19.

Следует подчеркнуть, что предложенные факторы обладают более широким объяснительным потенциалом и могут применяться к исследованию конспирологического мышления в целом — политического, медицинского, технологического и иных его разновидностей. Хотя обозначенные аналитические подходы применимы и за пределами пандемийного контекста, степень их значимости и характер проявления зависят от социально-культурной среды и особенностей конкретных конспирологических нарративов.

Источники данных и методы исследования

В работе использованы результаты онлайн-опроса, проведенного в апреле — мае 2021 г. в рамках проекта «Ценности в кризисе» (“The Values in Crisis Project”)². Это международный лонгитюдный опрос, нацеленный на выяснение, как моральные ценности, личностные установки и социальные ориентиры людей меняются в условиях глобального кризиса (пандемии COVID-19). Тематика вопросов охватывала широкий спектр аспектов — от базовых ценностей, измеряемых с помощью методик Р. Инглхарта и Ш. Шварца, до гендерных установок, этнической толерантности, доверия, оценки пандемии коронавируса, субъективного благополучия, уровня религиозности и безопасности, а также отношения к теориям заговора, связанным с COVID-19³. Анкета опроса включала 119 вопросов, ответы на которые респонденты записывали самостоятельно (потребительская панель OMI) без участия интервьюера. По мнению отечественных ученых, анонимность онлайн-платформ способствует более свободному выражению мнений, включая несогласие с официальной позицией, что упрощает сбор данных от тех, кто иначе мог бы воздержаться от участия [52].

Общая выборка составила 1199 человек с коэффициентом участия 4,3%, при этом 8,64% интервью были прерваны. После исключения пропущенных значений итоговая выборка составила 1169 респондентов. Гендерный состав:

² Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. База данных «Ценности в кризисе» (“Values in Crisis-International”). Свидетельство о регистрации базы данных 2021622861 от 09.12.2021.

³ «Ценности в кризисе» (“Values in Crisis-International”). — URL: <https://ncmu.hse.ru/values-in-crisis?ysclid=mfhvokq2tz314870716> (дата обращения: 10.06.2025).

47,2% мужчин и 52,8% женщин. Возрастной состав распределялся следующим образом: 18–24 года — 6,7%, 25–34 года — 18,5, 35–44 года — 19,3, 45–54 года — 18,1, 55–64 года — 27,8, 65 лет и старше — 9,6%.

Следует отметить, что выборка несколько смещена по возрасту относительно взрослого населения страны: доля лиц среднего и старшего возрастов выше их доли в общей популяции, а доля молодежи — ниже. В нашей выборке преобладают представители возрастных групп 55–64 года (27,8%) и 65+ (9,6%), тогда как молодежь 18–24 лет (6,7%) представлена меньше, чем отражено в фактической возрастной структуре населения⁴.

Зависимая переменная (склонность к конспирологическому мышлению) измерялась с помощью двух утверждений, которые отражают различные аспекты медицинских теорий заговора, связанных с происхождением и распространением коронавируса. Первый индикатор фиксировал согласие с утверждением о том, что распространение вируса является целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие (модель 1). Второй индикатор отражал убеждение, что распространение коронавируса является попыткой группы влиятельных лиц заработать деньги (модель 2). Оба показателя оценивались по пятибалльной шкале (1 — «полностью не согласен», 5 — «полностью согласен»). Корреляционный анализ показывает, что два индикатора тесно связаны: коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,774. Высокая корреляция указывает, что оба индикатора измеряют сходные проявления конспирологического мышления и могут быть использованы для анализа склонности граждан к вере в медицинские теории заговора. Тем не менее в данной работе используются два показателя. Первый — «о целенаправленной дестабилизации государствами» — близок к категории системных заговоров (М. Баркун), а также соответствует типу заговоров, связанных с распространением болезней в классификации Р. Бразертон. Вторым индикатором — «о влиятельных лицах, стремящихся заработать деньги» — отражает представления о глобальных злонамеренных элитах (Р. Бразертон) и аспекты медицинской конспирологии, где болезни и вирусы рассматриваются как средство экономической или политической выгоды. Применение двух показателей позволяет определить эти два содержательно разных, но взаимосвязанных проявления конспирологического мышления. Это важно для тестирования гипотез, поскольку позволяет оценивать влияние независимых переменных на существующие типы конспирологических нарративов, а также выявлять возможные различия в их детерминантах. Такой подход обеспечивает более точную интерпретацию результатов и согласуется с концептуальными определениями медицинских теорий заговора в академической литературе.

В работе также использовались ряд объясняющих переменных, отражающих ключевые аспекты факторов, которые, согласно теоретическим и эмпирическим данным, оказывают значительное влияние на формирование конспирологических убеждений.

⁴ По данным Росстата на 1 января 2025 г., в структуре населения России граждане в возрасте до 18 лет составляют 20,4%, от 18 до 49 лет — почти 43%, от 50 лет до верхней границы трудоспособного возраста (на 2025 г. для женщин 57 лет, для мужчин — 62 года) — 12,8%, старше трудоспособного возраста — 24%. См.: Граждане от 18 до 49 лет в России составляют почти 43% населения. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1025986> (дата обращения: 10.06.2025).

Переменная «доверие к социальным сетям» измерялась на основе вопроса о сравнительной достоверности социальных сетей (ВКонтакте, Твиттер⁵, Фейсбук⁶) по отношению к традиционным СМИ (телевидение, газеты). Ответы оценивались по шкале от 1 («социальные медиа более достоверны») до 5 («традиционные медиа более достоверны»), и для удобства анализа значения были перекодированы так, чтобы максимальное число отражало более сильное доверие к социальным сетям.

Для оценки религиозного фактора использовались две переменные. Первая — «религия 1» — отражала субъективную значимость религии в жизни респондента, вторая — «религия 2» — частоту посещения религиозных служб до пандемии. Обе переменные предназначены для комплексной оценки религиозности с учетом как личного отношения к вере, так и практического участия в религиозной жизни. Корреляционный анализ показал умеренно положительную связь между этими переменными: коэффициент корреляции Пирсона составил 0,542. Это свидетельствует о том, что респонденты, для которых религия имеет более высокую субъективную значимость, как правило, чаще посещают религиозные службы. Вместе с тем эта связь не является настолько высокой, чтобы считать переменные полностью избыточными. Умеренная корреляция позволяет рассматривать эти переменные как взаимодополняемые показатели религиозности. Использование обеих переменных по отдельности позволяет выявлять различия во влиянии личной веры и религиозной практики на зависимый показатель. Обе переменные были перекодированы так, чтобы максимальные значения соответствовали высокой религиозности и частым посещениям служб соответственно. Следует отметить, что в научной литературе существуют несколько способов измерения религиозности, в данном исследовании рассматриваются два ключевых аспекта: значимость религии и религиозное поведение [4; 7; 18]. В анкете был вопрос, касающийся религиозной самоидентификации (религиозный человек / нерелигиозный человек / атеист), но он не был включен в итоговый анализ, поскольку при статистической проверке показал высокую корреляцию с другими индикаторами религиозности и не добавлял существенной объяснительной силы в модели. Следует отметить, что другие аспекты религиозности (например, принадлежность к конкретной конфессии) в анкете отсутствовали, это несколько ограничивает возможности анализа данного фактора. Таким образом, в исследовании используются именно значимость религии в жизни и религиозное поведение как наиболее надежные и репрезентативные показатели.

Переменная «институциональное доверие» отражала уровень доверия респондентов политическим институтам в целом. Ответы оценивались по четырехбалльной шкале, где оценка 1 означала полную уверенность, а 4 — полное отсутствие уверенности. Для анализа данные были перекодированы так, чтобы максимальное значение соответствовало высокой степени доверия. В настоящем исследовании институциональное доверие рассматривается как универсальная характеристика отношения граждан к политическим и общественным институтам. Индикаторы, измеряющие доверие исключительно правительству, системе

⁵ Доступ к микроблогу в России ограничен.

⁶ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией на территории России.

здравоохранения или оценку конкретных действий властей, отражают специфическое, ситуативное или секторальное доверие, а не общий его уровень, который соответствует концепции *general institutional trust*.

Выбор именно этих трех переменных обусловлен их широкой исследовательской базой и способностью охватывать различные сферы когнитивных и социальных факторов, которые согласно теоретической рамке формируют predisposition к конспирологизму.

Для обеспечения достоверности результатов и правильного понимания взаимосвязей между основными изучаемыми явлениями в нашем исследовании были учтены следующие контрольные переменные: возраст, уровень образования, уровень дохода, пол, а также индекс постматериализма, отражающий ориентацию граждан на постматериалистические (например, большее влияние на решения правительства, защита свободы слова) или материалистические (например, поддержание порядка, борьба с ростом цен) ценности [46]. Уровень образования в опросе измерялся по шкале от 1 («никогда не учился») до 9 («высшее»), а уровень дохода — по шкале семейного дохода от 1 («менее 12 тыс. руб.») до 10 («более 80 тыс. руб.»). Пол респондентов учитывался с кодировкой: 1 — для мужчин и 0 — для женщин. Выбор этих переменных обусловлен их установленным влиянием на формирование конспирологического мировоззрения, что подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями [22; 40; 45].

Описательная статистика по переменным представлена в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Конспирология 1	3,33	3	1,35	1	5
Конспирология 2	3,31	3	1,35	1	5
Доверие к социальным сетям	2,96	3	1,21	1	5
Религия 1	2,65	3	0,92	1	4
Религия 2	5,75	6	1,49	1	7
Институциональное доверие	2,72	3	0,809	1	4
Возраст	3,71	4	1,45	1	6
Образование	7,35	7	1,48	1	9
Доходы	6,87	7	2,50	1	10
Пол: 47,2% мужчин и 52,8% женщин	0,475	0	0,501	0	1
Индекс постматериализма	0,372	0	0,484	0	1

Для анализа количественных данных была применена порядковая логистическая регрессия, подходящая для прогнозирования порядковых зависимых переменных с учетом нескольких независимых факторов. Статистическая обработка проводилась с помощью программы Gretl.

Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрим влияние трех объясняющих переменных, отражающих теорию когнитивной нагрузки, религиозность и концепцию институционального доверия. Для проверки выдвинутых рабочих гипотез и определения наиболее значимых факторов, которые влияют на веру в теории заговора, была построена порядковая логистическая регрессионная модель (см. табл. 2). Кроме того, был проведен тест на мультиколлинеарность с использованием коэффициента инфляции дисперсии (*variance inflation factor, VIF*), который не выявил проблем с коррелированностью переменных.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Модель 1			Модель 2		
	Коэффициент	Отношение шансов	Значение	Коэффициент	Отношение шансов	Значение
Доверие к социальным сетям	0,091	1,095	0,048**	0,211	1,235	0,000***
Религия 1	0,25	1,284	0,000***	0,215	1,239	0,003***
Религия 2	0,023	1,023	0,591	0,001	1,001	0,965
Институциональное доверие	-0,305	0,737	0,000***	-0,370	0,691	0,000***
Пол	-0,071	0,931	0,508	0,078	1,081	0,479
Возраст	0,003	1,003	0,139**	0,010	1,010	0,009***
Образование	-0,043	0,958	0,281***	-0,134	0,875	0,000***
Доход	-0,056	0,946	0,024**	-0,035	0,966	0,158
Индекс постматериализма	0,008	1,008	0,943	-0,058	0,944	0,608
Константа	-9,321	0,000	***	-9,32	0,000	***

R^2 — 0,42; Скорректированный R^2 — 0,4.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Количество наблюдений — 1169.

Для проверки сформулированных гипотез была проведена порядковая логистическая регрессия, результаты которой представлены для двух моделей, отражающих различные аспекты конспирологического восприятия пандемии COVID-19. Интерпретация коэффициентов осуществлялась на основе оценок шансов (*odds ratios*, *OR*).

Анализ показывает, что доверие к социальным сетям как источнику информации имеет статистически значимую взаимосвязь с зависимой переменной. В опросе 1 показатель оценки шансов, равный 1,095 ($p < 0,05$), свидетельствует о том, что с ростом восприятия социальных сетей как более достоверных вероятность согласия с конспирологическим утверждением увеличивается примерно на 9,5%. В опросе 2 эффект выражен еще сильнее ($OR = 1,235$; $p < 0,001$), что соответствует увеличению такой вероятности на 23,5%. Эти результаты подтверждают гипотезу о положительной связи между доверием к социальным медиа и склонностью к поддержке конспирологических интерпретаций пандемии COVID-19.

Значимым предиктором также выступает субъективная религиозность («религия 1»). В обеих моделях она положительно связана с поддержкой конспирологических утверждений: $OR = 1,284$ ($p < 0,001$) в опросе 1 и $OR = 1,239$ ($p < 0,01$) в опросе 2. Это означает, что увеличение субъективной значимости религии сопровождается ростом вероятности согласия с конспирологическими утверждениями на 24–28%. Исследователи объясняют эту связь с когнитивными особенностями: высокая религиозность часто ассоциируется с иррациональными объяснениями событий и низким уровнем аналитического мышления [67; 69]. Другие исследователи указывают на «квазирелигиозные» качества теорий заговора, которые удовлетворяют психологические потребности в моральных ориентировках, принадлежности и контроле, разделяют когнитивные стили и предлагают объяснение, выходящее за пределы видимого [43].

В то же время частота посещения религиозных служб (внешняя религиозность) оказалась статистически незначимым фактором, что требует осмысления. Этот результат позволяет предположить, что не сама по себе регулярность участия в богослужениях определяет отношение верующих к пандемии, а содержание религиозных посланий и позиция конкретного духовенства. Иными словами, решающим оказывается не уровень «внешней религиозности», а та интерпретация происходящего, которую транслируют община и ее священнослужители. Духовенство может играть существенную роль в формировании политических и социальных взглядов прихожан через проповеди и обсуждения. Религиозные учреждения активно транслируют ценности и интерпретации происходящих событий, в том числе отношение верующих к пандемии COVID-19 [34; 35].

Однако влияние церкви не является единообразным: в источниках выделяются разные субкультуры внутри Русской православной церкви — от фундаменталистов до либералов. Они по-разному выстраивают отношения с государством, наукой и медиа⁷. Это разнообразие взглядов проявилось и в реакции на коронавирус: от поддержки ограничительных мер Московским патриархатом до позиции «ковид-диссидентов» среди фундаменталистских групп [13; 21].

⁷ Коскелло А.С. Остров, где все у нас есть (Об идейных течениях в современной РПЦ) // Социодиггер. 2021. № 8. С. 22–29. — URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/religiozniy-aktivizm> (дата обращения: 10.06.2025).

Кроме того, анализ исследований позволяет выделить две основные линии внутри РПЦ в отношении пандемии. Первая — официальная, представленная Московским патриархатом, который признал необходимость введения ограничительных мер при проведении богослужений и религиозных обрядов. Вторая — фундаменталистско-консервативная, связанная с «ковид-диссидентскими» установками [2; 5; 12]. Если представители первой позиции исходили из признания угрозы инфекции и согласия с предписаниями государственных органов, то представители второй характеризовались отрицанием самой пандемии, критикой санитарных ограничений и распространением интерпретаций, трактующих вакцинацию как форму внешнего контроля над населением⁸. Таким образом, отсутствие значимой связи между частотой посещения религиозных служб и установками в отношении пандемии объясняется внутренней неоднородностью РПЦ: прихожане могли одинаково часто посещать храмы, но усваивать диаметрально противоположные интерпретации происходящего в зависимости от позиции конкретной общины и ее духовенства.

Полученные данные не дают оснований утверждать о ведущей роли внешней религиозности, измеряемой частотой посещения богослужений. В то же время выявленная субъективная религиозность (важность религии в жизни человека) лишь ведет к предположению, что определенные идеологические и субкультурные особенности внутри РПЦ могли косвенно влиять на интерпретации пандемии среди верующих. Следует подчеркнуть, что такая трактовка имеет предварительный характер и требует дальнейшего целенаправленного исследования.

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что институциональное доверие оказывает обратное влияние на конспирологическое мышление: при прочих равных снижение вероятности поддержки конспирологических утверждений на 26–31% наблюдается при увеличении уровня доверия к государственным институтам в целом. Это подтверждает гипотезу, что склонность к конспирологии выше среди тех, кто недоверчив к институтам и воспринимает мир как место скрытых злонамеренных действий. Институты выполняют две важные функции. Во-первых, они обеспечивают чувство безопасности; подозрительность к ним снижает доверие между людьми и усиливает поляризацию. Во-вторых, институты формируют групповые нормы и ценности; снижение доверия к ним ослабляет чувство принадлежности и сотрудничества [63].

Контрольные переменные показали, что возраст положительно связан с верой в теории заговоров: чем старше респондент, тем сильнее выражено конспирологическое мышление. Уровень образования оказывает обратное влияние: люди с более высоким его уровнем реже верят в заговоры. По мнению исследователей, эта связь обусловлена сложным взаимодействием психологических факторов, включая восприятие социальных классов, чувство бессилия и склонность к упрощенным объяснениям [62]. Другие переменные оказались статистически незначимыми.

⁸ В РПЦ назвали возможное происхождение COVID-19 // Лента.ру. 30.05.2021. — URL: <https://lenta.ru/news/2021/05/30/ilarion/> (дата обращения 10.06.2025); Кто такой схиигумен Сергей // Коммерсантъ. 17.06.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380295> (дата обращения: 10.06.2025).

Заключение

Проведение настоящего исследования было обусловлено стремлением понять истоки веры граждан России в теории заговора о пандемии COVID-19. В отличие от предыдущих исследований, которые в основном анализировали индивидуальные факторы, наш вклад заключается в комплексном изучении социальных сетей, религиозности и институционального доверия в российском контексте. Это позволило выявить новые взаимосвязи, то есть не рассматриваемые ранее, и подчеркнуть роль социальных медиа и религиозных интерпретаций в формировании конспирологических убеждений во время пандемии.

Регрессионный анализ показал положительную взаимосвязь между доверием к социальным сетям и верой в теории заговора о пандемии COVID-19. Влияние религиозных факторов оказалось неоднозначным: религиозность в жизни человека положительно коррелирует с верой в теории заговора, однако показатель частоты посещения религиозных служб не продемонстрировал статистической значимости. Исходя из такого результата необходимо дальнейшее углубленное изучение причин подобной дифференциации в проявлении религиозного фактора и механизмов, определяющих его воздействие. Анализ данных социологического опроса «Ценности в кризисе» продемонстрировал отрицательную взаимосвязь институционального доверия и уровня конспирологического мышления. Кроме того, более возрастные граждане проявляют повышенную склонность к вере в теории заговора, а более образованные — меньшую.

На основе полученных данных можно составить коллективный портрет граждан, склонных к конспирологическому мышлению: это, как правило, люди с низким уровнем институционального доверия, активно использующие социальные сети как источник информации, для них религия играет значимую роль в жизни, чаще это представители старшего поколения и обладающие более низким уровнем образования. Ключевыми детерминантами веры в теории заговора в контексте пандемии COVID-19 являются: низкое институциональное доверие; высокое доверие к социальным сетям; значимость религии в жизни; принадлежность к старшей возрастной группе; низкий уровень образования.

Вклад работы состоит в уточнении влияния медийных практик, религиозной мотивации и институционального доверия на восприимчивость граждан России к конспирологическим интерпретациям пандемии COVID-19. Полученные выводы расширяют существующие модели за счет эмпирических данных, отражающих институциональные и культурные особенности российского общества.

Результаты исследования обладают прикладной значимостью, позволяя уточнить направления противодействия распространению конспирологического мышления. Выявленная роль институционального доверия указывает на необходимость усиления транспарентности и согласованности официальных коммуникаций. Повышение предсказуемости и доступности информации со стороны государственных институтов может снизить восприимчивость к альтернативным, дезинформационным интерпретациям. Кроме того, установленные эффекты медиасреды позволяют рекомендовать расширение практик фактчекинга, маркировки недостоверного контента и внедрение стандартов ответственной коммуникации в электронных и традиционных медиа. В образовательные программы по медиа-

грамотности целесообразно включать модули, направленные на понимание когнитивных механизмов, повышающих восприимчивость к конспирологическим нарративам, а также на формирование навыков критической оценки источников информации.

Важно учитывать, что настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно опирается на данные одного онлайн-опроса, который отражает общественные настроения в определенный период и потенциально обладает отдельными ограничениями репрезентативности. В частности, одномерные распределения некоторых переменных могут не полностью совпадать со структурой генеральной совокупности. Несмотря на то что корреляционные связи обычно более устойчивы к подобным отклонениям, данное обстоятельство следует иметь в виду при интерпретации результатов. Выводы могут быть дополнены и уточнены в будущем на основе анализа более широкого массива данных. Во-вторых, следует отметить, что выбор ковидных конспирологических теорий в качестве эмпирического кейса обусловлен масштабом распространения вируса SARS-CoV-2. Однако рассматриваемые факторы — социальные сети, религиозность и институциональное доверие — не ограничены исключительно ковидным контекстом. Международные исследования демонстрируют, что недоверие к СМИ и обращение к альтернативным каналам информации, влияние религиозных убеждений, а также уровень доверия к государственным институтам системно связаны с распространением различных конспирологических нарративов — от политических и исторических до научно-технических [72]. Таким образом, данные факторы обладают универсальным характером и могут быть применимы для анализа других конспирологических установок. В то же время основные положения, представленные в настоящей статье, ограничены российским контекстом и тематикой COVID-19, что необходимо учитывать при интерпретации результатов. В дальнейшем представляются перспективными расширение анализа на другие типы конспирологических убеждений и сопоставление полученных выводов в международной сравнительной перспективе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухаметов Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** + 7 (343) 389-97-36. **Электронная почта:** muhametov.ru@mail.ru

---

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 43–65. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.3

Research Article

RUSLAN S. MUKHAMETOV¹

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. 19, Mira str., Sverdlovsk region, 620062, Yekaterinburg, Russian Federation.

DETERMINANTS OF BELIEF IN CONSPIRACY THEORIES ABOUT THE COVID-19 PANDEMIC: THE ROLE OF SOCIAL MEDIA, RELIGIOSITY, AND INSTITUTIONAL TRUST

Abstract. Why do some folks believe in conspiracy theories while others don't? The purpose of this study was to examine a number of individual predictors of believing in conspiracy theory. The article presents estimates of the impact of trust in social networks, religiosity and institutional trust on faith in conspiracy theories about the COVID-19 pandemic. Data from the 2nd wave (April–May 2021) of the online survey (N = 1199) of the Values in Crisis international longitudinal project were used as an empirical foundation. The results of regression analysis showed a positive effect of trust in social media on belief in conspiracy theories about the spread of COVID-19. Much attention has been paid to the study of the religious factor. It is shown that the importance of religion in a person's life has a positive effect on their belief in conspiracy theories. The article argues that the influence of the frequency of religious service attendance is a statistically insignificant determinant. The author notes the negative impact of political trust on the level of conspiracy mindedness. It was revealed that older respondents believe more strongly in the deliberate spread of the cononavirus. It is likely that people with higher education are less prone to believing conspiracy theories about the COVID-19 pandemic. The significance of the research results is in the fact that they can help in the development of educational programs aimed at developing critical thinking and information source analysis skills among the population. Understanding the mechanisms that contribute to the spread of conspiracy theories helps to develop strategies to counteract disinformation and manipulation.

Keywords: conspiracy belief; conspiracy theories; COVID-19; social networks; religiosity; institutional trust.

For citation: Mukhametov, R.S. Determinants of Belief in Conspiracy Theories About the Covid-19 Pandemic: the Role of Social Media, Religiosity, and Institutional Trust. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 43–65. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.3)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan S. Mukhametov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** + 7 (343) 389-97-36. **Email:** muhametov.ru@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ардашев Р.Г.* Конспирологическое мышление современных россиян // Социология. 2023. № 3. С. 225–233.
Ardashev R.G. Conspiracy Thinking of Contemporary Russians. *Sotsiologiya*. 2023. No. 3. P. 225–233. (In Russ.)
2. *Архимандрит Кирилл (Говорун)⁹.* «Богословие ковида», или «Знаменательная буря» коронавирусной пандемии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 58–75. DOI: [10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75) EDN: PPKJCP
Archimandrite Kirill (Govorun). “Theology of Covid” or “The Momentous Storm” of the Coronavirus Pandemic. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2021. No. 1. P. 58–75. DOI: [10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75) (In Russ.)
3. *Афанасьева Ю., Соколов Б., Широконова А.* Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 115–137. DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2375](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375) EDN: YGUMTH
Afanasyeva Yu., Sokolov B., Shirokanova A. Factors of Covid-skepticism in Russia: Results of the Analysis of Two Waves of the Longitudinal Survey “Values in Crisis”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2023. No. 5. P. 115–137. DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2375](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375) (In Russ.)

⁹ Внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

4. *Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 94–104. DOI: [10.7868/S0132162518010105](https://doi.org/10.7868/S0132162518010105) EDN: [YMAEVK](https://www.edn.ru/ymaevk)
Babich N.S., Khomenko V.I. The “Religiosity Predisposition” Scale: Empirical Testing and Increasing the Level of Model Formalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 1. P. 94–104. DOI: [10.7868/S0132162518010105](https://doi.org/10.7868/S0132162518010105) (In Russ.)
5. *Баранов Н.А.* Взаимоотношения РПЦ и государства в условиях пандемии COVID-19 в контексте смены политических парадигм и цифровизации // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 8–22. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-7-8-22](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-8-22) EDN: [NRUQSQ](https://www.edn.ru/nruqsq)
Baranov N.A. The Relationship between the Russian Orthodox Church and the State during the COVID-19 Pandemic in the Context of Changing Political Paradigms and Digitalization. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2022. No. 7. P. 8–22. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-7-8-22](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-8-22) (In Russ.)
6. *Галкин С.А., Найдено Д.Г., Корнетов А.Н., Гойко В.Л., Мягков М.Г.* Особенности отношения к вакцинации против COVID-19 в России // Бюллетень сибирской медицины. 2022. № 3. С. 34–40. DOI: [10.20538/1682-0363-2022-3-34-40](https://doi.org/10.20538/1682-0363-2022-3-34-40) EDN: [JCCRAD](https://www.edn.ru/jccrad)
Galkin S.A., Naydenko D.G., Kornetov A.N., Goyko V.L., Myagkov M.G. Features of Attitudes Towards COVID-19 Vaccination in Russia. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*. 2022. No. 3. P. 34–40. DOI: [10.20538/1682-0363-2022-3-34-40](https://doi.org/10.20538/1682-0363-2022-3-34-40) (In Russ.)
7. *Грудина Т.Н.* Религиозность и ее интерпретация: многообразие методов социологического измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 3. С. 266–299. DOI: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299) EDN: [YRYRBT](https://www.edn.ru/yryrbt)
Grudina T.N. Religiosity and Its Interpretation: Diversity of Methods of Sociological Measurement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2022. No. 3. P. 266–299. DOI: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299) (In Russ.)
8. *Казун А.Д.* Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы // Экономическая социология. 2022. № 2. С. 91–117. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117) EDN: [YINBGD](https://www.edn.ru/yinbgd)
Kazun A.D. Conspiracy Thinking: Concept, Measurement, and Factors. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2022. No. 2. P. 91–117. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117) (In Russ.)
9. *Казун А., Поршнева А.* Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549–565. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889) EDN: [TKVVZS](https://www.edn.ru/TKVVZS)
Kazun A., Porshnev A. Who Believes in Conspiracy Theories? Factors of Inclination to Conspiratorial Thinking in Russia, Kazakhstan, and Ukraine. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 549–565. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889) (In Russ.)
10. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.
Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST publ., 2014. 653 p. (In Russ.)
11. *Кирзюк А.А.* «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484–509. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776) EDN: [ITOALG](https://www.edn.ru/itoalg)

- Kirzyuk A.A. “I Have No Fear”: Covid-dissidents in Search of Agency and Truth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2021. No. 2. P. 484–509. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776) (In Russ.)
12. Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. № 4. С. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558) EDN: UNJVXF
- Lunkin R.N. Socio-political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church: Revealing the Internal Potential of Civic Activity and Social Service. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2020. No. 4. P. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558) (In Russ.)
13. Макаркин А.В. Русская православная церковь и пандемия COVID-19 // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 4. С. 157–168. EDN: EDVDRX
- Makarkin A.V. The Russian Orthodox Church and the COVID-19 Pandemic. *Neprikosnovennyi zasap. Debaty o politike i kul'ture*. 2021. No. 4. P. 157–168. (In Russ.)
14. Мухаметов Р.С. Летальность от SARS-CoV-2: тип политического режима имеет значение // Политическая наука. 2022. № 2. С. 16–33. DOI: [10.31249/poln/2022.02.01](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.01) EDN: BYUQYF
- Mukhametov R.S. Lethality from SARS-CoV-2: The Type of Political Regime Matters. *Politicheskaya nauka*. 2022. No. 2. P. 16–33. DOI: [10.31249/poln/2022.02.01](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.01) (In Russ.)
15. Мягков М.Г., Кубрак Т.А., Латынов В.В., Мундриевская Ю.О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 156–163. DOI: [10.17223/15617793/467/19](https://doi.org/10.17223/15617793/467/19) EDN: DTPPIJ
- Myagkov M.G., Kubrak T.A., Latynov V.V., Mundrievskaya Yu.O. The COVID-19 Pandemic and Conspiratorial Beliefs: Psychological Prerequisites, Consequences, and Possibilities of Correction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. No. 467. P. 156–163. DOI: [10.17223/15617793/467/19](https://doi.org/10.17223/15617793/467/19) (In Russ.)
16. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. № 4. С. 87–104. DOI: [10.17759/sps.20201100407](https://doi.org/10.17759/sps.20201100407) EDN: BRGQGI
- Nestik T.A., Deyneka O.S., Maksimenko A.A. Socio-psychological Preconditions for Belief in Conspiracy Theories about the Origin of COVID-19 and Involvement in Online Communications. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2020. No. 4. P. 87–104. DOI: [10.17759/sps.20201100407](https://doi.org/10.17759/sps.20201100407) (In Russ.)
17. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114. DOI: [10.26516/2073-3380.2020.33.108](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.108) EDN: BIKDFH
- Prilutskii A.M. Coronavirus Infection and Religious Discourses of Medical Conspiracy Theory. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2020. Vol. 33. P. 108–114. DOI: [10.26516/2073-3380.2020.33.108](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.108) (In Russ.)

18. Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–293. EDN: P1HQHV
Prutskova E.V. Operationalization of the Concept of “Religiosity” in Empirical Research. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2012. No. 2. P. 268–293. (In Russ.)
19. Соколов Б.О., Завадская М.А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410–435. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938) EDN: PLQPRG
Sokolov B.O., Zavadskaya M.A. Socio-demographic Characteristics, Personality Traits, Values, and Attitudes of Covid-skeptics in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 410–435. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938) (In Russ.)
20. Хлебников М.В. Теория заговора: опыт социокультурного исследования. М.: Кучково поле, 2021. — 464 с.
Khlebnikov M.V. *Conspiracy Theory: A Socio-cultural Study*. Moscow: Kuchkovo pole publ., 2021. 464 p. (In Russ.)
21. Щербак А.Н., Ухватова М.В. Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на отношения РПЦ и власти в России // Политическая наука. 2022. № 2. С. 184–205. DOI: [10.31249/poln/2022.02.09](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.09) EDN: FAKRHQ
Shcherbak A.N., Ukhvatova M.V. The Impact of the COVID-19 Coronavirus Pandemic on the Relations Between the ROC and the Authorities in Russia. *Politicheskaya nauka*. 2022. No. 2. P. 184–205. DOI: [10.31249/poln/2022.02.09](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.09) (In Russ.)
22. Adam-Troian J., et al. Investigating the links between cultural values and belief in conspiracy theories: the key roles of collectivism and masculinity. *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. No. 4. P. 597–618. DOI: [10.1111/pops.12716](https://doi.org/10.1111/pops.12716)
23. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 211–236. DOI: [10.1257/jep.31.2.211](https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211)
24. Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. Health-protective behavior, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*. 2020. Vol. 51. No. 10. P. 1–15. DOI: [10.1017/S003329172000224X](https://doi.org/10.1017/S003329172000224X)
25. Andrade G. Medical conspiracy theories: cognitive science and implications for ethics. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 505–518. DOI: [10.1007/s11019-020-09951-6](https://doi.org/10.1007/s11019-020-09951-6)
26. Atanesyan A., Hakobyan A., Reynolds B. Communicating COVID-19 on Social Media: The Effects of the Spiral of Silence. *The Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 66–85. DOI: [10.17323/1728-192x-2021-4-66-85](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-4-66-85)
27. Barkun M. *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2003. 243 p.
28. Bertsou E. Rethinking political distrust. *European Political Science Review*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 213–230. DOI: [10.1017/S1755773919000080](https://doi.org/10.1017/S1755773919000080)
29. Bigley G., Pearce J. Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust. *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 405–421. DOI: [10.2307/259286](https://doi.org/10.2307/259286)
30. Bridgman A., Merkley E., Loewen P., Owen T., Ruths D., Teichmann L., Zhilin O. The causes and consequences of COVID-19 misperceptions: Understanding the role of news and

- social media. *The Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 2020. Vol. 1. Special Issue on COVID-19 and Misinformation. DOI: [10.37016/mr-2020-028](https://doi.org/10.37016/mr-2020-028)
31. Brotherton R., French C., Pickering A. Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. P. 1–15. DOI: [10.3389/fpsyg.2013.00279](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279)
  32. Darwin H., Neave N., Holmes J. Belief in conspiracy theories: The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 8. P. 1289–1293. DOI: [10.1016/j.paid.2011.02.027](https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.02.027)
  33. De Walle S. van, Six F. Trust and Distrust as Distinct Concepts: Why Studying Distrust in Institutions Is Important. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2014. Vol. 16. No. 2. P. 158–174. DOI: [10.1080/13876988.2013.785146](https://doi.org/10.1080/13876988.2013.785146)
  34. Djupe P., Calfano B. *God Talk: Experimenting with the Religious*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2013. 263 p. DOI: [10.2307/j.ctvrf8960](https://doi.org/10.2307/j.ctvrf8960)
  35. Djupe P., Gilbert C. *The Prophetic Pulpit: Clergy, Churches, and Communities in American Politics*. Maryland: Rowman & Littlefield, 2003. 272 p.
  36. Domaradzki J., Jabkowski P., Walkowiak D. Association between beliefs in medical conspiracy theories and health behaviors among medical and healthcare students. Implications for professional practice. *BMC Medical Education*. 2024. Vol. 24. P. 1062. DOI: [10.1186/s12909-024-06057-y](https://doi.org/10.1186/s12909-024-06057-y)
  37. Douglas K., Sutton R. What Are Conspiracy Theories? A Definitional Approach to Their Correlates, Consequences, and Communication. *Annual Review of Psychology*. 2023. Vol. 74. No. 1. P. 271–298. DOI: [10.1146/annurev-psych-032420-031329](https://doi.org/10.1146/annurev-psych-032420-031329)
  38. Douglas K., Sutton R., Cichocka A. The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. No. 6. P. 538–542. DOI: [10.1177/0963721417718261](https://doi.org/10.1177/0963721417718261)
  39. Douglas K., Uscinski J., Sutton R., Cichocka A., Nefes T., Ang C., Deravi F. Understanding conspiracy theories. *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 3–35. DOI: [10.1111/pops.12568](https://doi.org/10.1111/pops.12568)
  40. Enders A., Klofstad C., et al. The sociodemographic correlates of conspiracism. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 14184. DOI: [10.1038/s41598-024-64098-1](https://doi.org/10.1038/s41598-024-64098-1)
  41. Enders A., Smallpage S., Lupton R. Are all ‘birthers’ conspiracy theorists? On the relationship between conspiratorial thinking and political orientations. *British Journal of Political Science*. 2020. Vol. 50. P. 849–866. DOI: [10.1017/S0007123417000837](https://doi.org/10.1017/S0007123417000837)
  42. Franks B., Bangerter A., Bauer M.W. Conspiracy theories as quasi-religious mentality: An integrated account from cognitive science, social representations theory, and frame theory. *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. P. 1–12. DOI: [10.3389/fpsyg.2013.00424](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00424)
  43. Frenken M., Bilewicz M., Imhoff R. On the Relation Between Religiosity and the Endorsement of Conspiracy Theories: The Role of Political Orientation. *Political Psychology*. 2022. Vol. 44. No. 6. P. 139–156. DOI: [10.1111/pops.12822](https://doi.org/10.1111/pops.12822)
  44. Greenhill K., Oppenheim B. Rumor has it: The adoption of unverified information in conflict zones. *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 660–676. DOI: [10.1093/isq/sqx015](https://doi.org/10.1093/isq/sqx015)
  45. Hettich N., Beutel M.E., et al. Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17. No. 1. P. e0263301. DOI: [10.1371/journal.pone.0263301](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301)

46. Inglehart R. The Silent Revolution in Europe. Intergenerational Change in Post-industrial Societies. *American Political Science Review*. 1971. No. 4. P. 991–1017. DOI: [10.2307/1953494](https://doi.org/10.2307/1953494)
47. Jedinger A., Masch L. Need for cognitive closure, political trust, and belief in conspiracy theories during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Social Psychology*. 2025. No. 2. P. 1447313. DOI: [10.3389/frsps.2024.1447313](https://doi.org/10.3389/frsps.2024.1447313)
48. Jolley D., Meleady R., Douglas K. Exposure to intergroup conspiracy theories promotes prejudice which spreads across groups. *British Journal of Psychology*. 2020. Vol. 111. No. 1. P. 17–35. DOI: [10.1111/bjop.12385](https://doi.org/10.1111/bjop.12385)
49. Keeley B. Is belief in providence the same as belief in conspiracy? *Handbook of Conspiracy Theory and Contemporary Religion*. Ed. by E. Asprem, A. Dyrendal, D. Robertson. Leiden: Brill, 2018. P. 70–86. DOI: [10.1163/9789004382022_005](https://doi.org/10.1163/9789004382022_005)
50. Keeley B. Of conspiracy theories. *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96. No. 3. P. 109–126. DOI: [10.2307/2564659](https://doi.org/10.2307/2564659)
51. Kisa A., Kisa S. Health conspiracy theories: a scoping review of drivers, impacts, and countermeasures. *International Journal Equity Health*. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 93. DOI: [10.1186/s12939-025-02451-0](https://doi.org/10.1186/s12939-025-02451-0)
52. Korsunava V., Sokolov B. Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia. *International Journal of Public Opinion Research*. 2025. Vol. 37. No. 3. P. edaf030. DOI: [10.1093/ijpor/edaf030](https://doi.org/10.1093/ijpor/edaf030)
53. Laurin K., Kay A., Moscovitch D. On the belief in God: Towards an understanding of the emotional substrates of compensatory control. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. P. 1559–1562. DOI: [10.1016/j.jesp.2008.07.007](https://doi.org/10.1016/j.jesp.2008.07.007)
54. Lewicki R.J., McAllister D.J., Bies R.J. Trust and distrust: New relationships and realities. *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 438–458. DOI: [10.2307/259288](https://doi.org/10.2307/259288)
55. Marie A., Petersen M. Political conspiracy theories as tools for mobilization and signaling. *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 48. P. 101–440. DOI: [10.1016/j.copsy.2022.101440](https://doi.org/10.1016/j.copsy.2022.101440)
56. Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. P. 709–734. DOI: [10.2307/258792](https://doi.org/10.2307/258792)
57. Miller J. Psychological, Political, and Situational Factors Combine to Boost COVID-19 Conspiracy Theory Beliefs. *Canadian Journal of Political Science*. 2020. Vol. 53. No. 2. P. 1–9. DOI: [10.1017/S000842392000058X](https://doi.org/10.1017/S000842392000058X)
58. Newheiser A.-K., Farias M., Tausch N. The functional nature of conspiracy beliefs: Examining the underpinnings of belief in the Da Vinci Code conspiracy. *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 51. No. 8. P. 1007–1011. DOI: [10.1016/j.paid.2011.08.011](https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.08.011)
59. Oliver J., Wood T. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion. *American Journal of Political Science*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 952–966. DOI: [10.1111/ajps.12084](https://doi.org/10.1111/ajps.12084)
60. Pantazi M., Papaioannou K., Prooijen J.W. van. Power to the people: The hidden link between support for direct democracy and belief in conspiracy theories. *Political Psychology*. 2022. Vol. 43. No. 3. P. 529–548. DOI: [10.1111/pops.12779](https://doi.org/10.1111/pops.12779)
61. Pisl V., Nefes T., Simsa B., Kestlerova D., Kubíček P., Linka V., Martynova T., Sajdlova R., Sejrek D., Vevera J. The effect of acute stress response on conspiracy theory beliefs. *Politics and the Life Sciences*. 2025. Vol. 44. No. 1. P. 77–87. DOI: [10.1017/pls.2024.16](https://doi.org/10.1017/pls.2024.16)
62. Prooijen J.-W. van. Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 50–58. DOI: [10.1002/acp.3301](https://doi.org/10.1002/acp.3301)

63. Prooijen J.-W. van, Spadaro G., Wang H. Suspicion of institutions: How distrust and conspiracy theories deteriorate social relationships. *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 65–69. DOI: [10.1016/j.copsyc.2021.06.013](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.06.013)
64. Robertson D.G. *Religion and Conspiracy Theories: An Introduction*. Abingdon: Routledge, 2024. 156 p. DOI: [10.4324/9781003329992](https://doi.org/10.4324/9781003329992)
65. Silva B., Vegetti F., Littvay L. The elite is up to something: exploring the relation between populism and belief in conspiracy theories. *Swiss Political Science Review*. 2017. Vol. 23. P. 423–443. DOI: [10.1111/spsr.12270](https://doi.org/10.1111/spsr.12270)
66. Smallpage S.M., Askew R.L., Kurlander E.A., Rust J.B. Conspiracy thinking and the long historical shadow of Romanticism on authoritarian politics. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. P. 1185699. DOI: [10.3389/fpsyg.2023.1185699](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1185699)
67. Sobol M., Zajenkowski M., Jankowski K.S. Religious Fundamentalism, Delusions, and Conspiracy Beliefs Related to the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 15. P. 95–97. DOI: [10.3390/ijerph19159597](https://doi.org/10.3390/ijerph19159597)
68. Sternisko A., Cichocka A., Van Bavel J. The dark side of social movements: social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 1–6. DOI: [10.1016/j.copsyc.2020.02.007](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.007)
69. Swami V., Voracek M., Stieger S. Analytic thinking reduces belief in conspiracy theories. *Cognition*. 2014. Vol. 133. No. 3. P. 572–585. DOI: [10.1016/j.cognition.2014.08.006](https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006)
70. Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning. *Cognitive Science*. 1988. Vol. 12. No. 2. P. 257–285. DOI: [10.1207/s15516709cog1202_4](https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4)
71. Theocharis Y., et al. Does the platform matter? Social media and COVID-19 conspiracy theory beliefs in 17 countries. *New Media & Society*. 2021. Vol. 25. P. 3412–3437. DOI: [10.1177/14614448211045666](https://doi.org/10.1177/14614448211045666)
72. Uscinski J., Enders A., Diekman A., et al. The psychological and political correlates of conspiracy theory beliefs. *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. P. 21672. DOI: [10.1038/s41598-022-25617-0](https://doi.org/10.1038/s41598-022-25617-0)

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 27.11.2025; принята к публикации: 09.12.2025.

Received: 16.09.2025; revised after review: 27.11.2025; accepted for publication: 09.12.2025.